

Вас люблю

Сергей ХВОРОСТОВ

ЖИТЬ ЧТОБЫ ЖДАТЬ

Такой принцип вполне устраивает прозаика Марину Вишневецкую

Когда Марине ВИШНЕВЕЦКОЙ было шесть лет, ей запрещали смотреть телевизионную экранизацию романа Льва Толстого «Воскресение». Но она все равно подглядывала, потому что мечтала стать официанткой, на худой конец горничной (дело было в крахмаленном фартуке). Но когда ей рассказали, что главную героиню арестовали, Марина поняла, какая это опасная профессия. И начала мечтать о журналистике.

На журфак Марину Вишневецкую не приняли. В сочинении без единой орфографической ошибки была найдена целая куча ошибок стилистических. Что особенно смешно сегодня, во времена ее литературного успеха: манеру писать она так и не изменила. Зато ее приняли на сценарный факультет ВГИКа. Хотя колебались — а вдруг она от нас в Израиль уедет? — но потом все-таки приняли. И вряд ли пожалели, потому что Марина в Израиль не уехала, а начала писать сказки и сценарии. Она — автор документальных фильмов «Пациент Сталин» и «Пациент Брежнев». И даже одной художественной — грузинской — картины, экранизации романа Эбаноидзе. Но долгое время главным делом Марины Вишневецкой оставалась анимация. Мультифильм «Русалка» по ее сценарию был номинирован на «Оскар». А последние два года Марина делает детскую мультипликационную программу на РЕН-ТВ.

Но помимо всех этих дел, фильмов и мультифильмов, Марина Вишневецкая пишет прозу. Модную. Сложную. Критики говорят, что яростную. О любви.

Читаешь — и погружаешься в ее глубину. Важно не просто рассказывать конкретную историю, а показывать, как это бывает в принципе. Что происходит, когда встречаются художник и нехудожник? Об этом я сочинила сказку «Малиновка и мейвель». Что такое первая любовь? Я написала рассказ «Архитектор запятая не мой».

— А свою первую любовь помните? — Это было после четвертого класса в пионерском лагере. Интеллигентный мальчик в очках, звали Алешей. Сейчас мне даже странно, что я выбрала такого задохлика. Его никто не любил, я одна. Почему-то мои страдания вызвали гомерический хохот у всех девочек. Такой архетип ситуации: все над тобой потешаются, а ты даже не знаешь, счастливая твоя любовь или безответная. Но подозревай, что безответная.

— Свой первый рассказ вы помните как же хорошо? — То, что было написано до 30 лет, даже вспоминать не хочется: просто какое-то графоманство. Человек должен созреть подобно растению, которое в каком-то возрасте дает цветок, а в каком-то плод. Дело не в опыте. Как справедливо заметила Людмила Петрушевская, жизненный опыт есть даже у пятилетнего ребенка. Важен момент его объемного осмысления.

— А как же Лермонтов или Рембо? — Они гении, а мы говорим о нормальных людях. Не знаю, гений ли Хулио Кортасар, но он однажды признался, что до 30 лет не писал, а мучился. Все было не то и не так. И только после 30 появилась воледеланная легкость. Я и сама помню свой ужас перед словом, перед фразой.

— Сценарный опыт помогает писать прозу? — С одной стороны, это прямо противоположные вещи. Меня всегда «убивала» сценарная запись с ее телеграфным стилем. Но, с другой стороны, все говорят, что я пишу энергичную прозу. И мне кажется, что эта энергетика — следствие совершенно подсознательной привычки постоянно думать о зрителе. Я хочу, чтобы было интересно.

— Когда пишешь крошечный мультифильм, от минуты до пяти экранного времени, ты все равно должен сочинить и завязку, и характер, и развязку. Я занимаюсь этим, как какой-нибудь китайский художник, рисовавший на рисовом зернышке портрет Мао Цзедуна. Это вырабатывает жесткость. Когда читаю прозу, написанную километрами, я «завидую»: надо же, как люди умеют писать! Я так не могу. Если я написала два абзаца и не чувствую движения, сильной энергетике, я бросаю. Потом меня осуждают: ты пишешь так тяжело, тебя так трудно читать.

— Как вы предпочитаете, чтобы вас называли: писатель или писательница? — Литератор. Во всех женских производных прослушивается уничижительный оттенок. Выкалывая человеку минимальное уважение, мы говорим о нем в мужском роде. Я совсем не страдаю феминизмом и понимаю, что таковы правила современного русского языка. Может, через пятьдесят лет что-то сдвинется. Но когда я читаю слова какого-нибудь критика о том, что сейчас о нем в мужской прозе, сразу начинаю нервничать. Тебя как будто в гетто отправляют, в каку-то резервацию. А вокруг остается настоящая проза, написанная настоящими мужчинами.

— Веди не зря говорит, что писательство — дело мужское. Да и женщины-писательницы все-таки малоавто. — Я готова согласиться, что все самые великие симфонии и романы написаны мужчинами. Все лучшее написано мужчинами. Хотя и не готова объяснять причины на уровне физиологии. Но мы же не говорим о романах: на пространные рассказы или повести я чувствую себя уверенно. А на роман замахиваться не собираюсь. Хотя еще лет десять назад я уверяла, что мой полтолок — рассказ, между тем написала уже три повести.

— В последние годы появился жанр, в котором мужчины даже не пытаются тягаться с женщинами. Вы могли бы написать любовный роман? — Две мои сокурницы зарабатывают этим на жизнь. В день они пишут по десять страниц — столько, сколько я одолеваю за 2 недели. Я знаю механизмы такой литературы, и она мне не интересна. Ведь когда начинаешь писать, каждый раз совершаешь какое-нибудь открытие. В построении, в ритме. Когда замечаю, что пишется легко, понимаю, что ничего не получается. Необходимо сопротивление материала.

— Правда, на днях я с удовольствием прочла детектив Б. Акунина: оказывается, можно писать популярно и легко и в то же время интеллигентно. Мне даже показалось, что это как раз литература, которую может одолеть мой ребенок. Он из того поколения, для которого стильно не читать. Или читать Пелевина.

— Но вас-то он читает? — Ни в коем случае. Не хочу его травмировать. Зато он ест мою еду. То есть все-таки знаком с моим творчеством и самовыражением. Хотя, безусловно, эти два таланта далеко не равнозначны.

— А бывает талант к жизни? — Есть люди, которым удается прожить очень вкусно. Чаще всего они не проявляют способностей в каких-то видах искусства. Но с ними рядом хорошо себя чувствуешь. Обычно они Тельцы по гороскопу. Я очень серьезно занимаюсь астрологией, к сожалению, большинство интеллигентных людей относятся к этой науке иронично. Сама я Весы. А Весы всегда стремятся к гармонии.

— Вам удалось достичь ее в собственной жизни? — У каждого человека своя судьба. Правил типа того, что в 20 лет надо выйти замуж, а в 23 родить первого ребенка, быть не может. Так случилось, что я вышла замуж в 39 лет. Ждала большой любви. Люди, на мой взгляд, делятся на тех, кто жлет, и тех, кто не жлет. Это не зависит от воспитания, от времени, а заложено генетически. Я сейчас смотрю на своего ребенка и удивляюсь: он во всем повторяет меня. Я ему говорю: гуляй, пока молодой. Но этот мальчик, принадлежавший совсем другому бесстыдному времени, продолжает жлет. Есть люди, которые обречены на это ожидание. Они рождены для великой любви, как ни глупо это звучит.

— Может быть, они просто оправдывают свой страх заводить серьезные отношения? — Не думаю. Это просто ожида-

Беседовала Юнна ЧУПРИНИНА

Из книги «О природе вещей»

Семь и семь

У ОДНОЙ женщины было двенадцать человек детей, и только один из них попал под машину. И она радовалась тому, что не будет одинокой на старости лет.

А у другой женщины не было детей совсем. И она радовалась, что от нее не родится ни Гитлер, ни Сталин, ни наркоман, ни какой-нибудь олигофрен.

У третьей женщины было только один ребенок, и она радовалась тому, что ей не надо делить свою любовь ни с кем другим.

А у четвертой женщины очень долго своих детей не было, и тогда она взяла трех детей из детдома. И была очень рада, что сделала их счастливыми.

А у пятой женщины один сын был и умер. И она была рада тому, что он больше не мучается на этом свете, а целыми днями слушает пение ангелов и серафимов.

А у шестой женщины было пять человек

дочерей. И он горевал, что после него не останется его фамилии.

У четвертого мужчины было три сына и девять дочерей. И он горевал, что ему нечем их прокормить.

А у пятого мужчины было двадцать детей от тринадцати женщин. И он горевал, что не знает даже их всех по именам.

У шестого мужчины было три дочери и пять сыновей, но они все боялись зайти к нему на живодерню. И он горевал, что ему некому завещать дело своей жизни.

А седьмой мужчина всю жизнь любил только других мужчин и горевал оттого, что они ему изменяли.

Этих семи случаев вполне достаточно, чтобы заключить: мужчина рожден для счастья, а счастья нет.

последний гвоздь, который этот сварщик еще не заметил и поэтому не унес с собой, и устроила ему прощальный ужин. И сварщик съел три полные тарелки борща и еще попросил четвертую, но съест ее уже не смог, потому что на руках у этой женщины умер. Таким неожиданным образом и исполнилась мечта ее жизни.

А душа сварщика тем временем добралась до самого неба — причем посредством одного-единственного гвоздя. Добралась и впервые в жизни возликовала.

Вывод, который мы вправе сделать из этой истории, таков: мечта о невозможном, мы обретаем непостижимое.

Летчик и машина

ОДИН ЛЕТЧИК разбил свой самолет и полюбил самолет своего друга. Но друг об этом ничего не знал и то и дело припалаш этого летчика полобывать на свою машину.

Однажды во время учений этот летчик таким влюбленным взглядом смотрел на машину своего друга, что она от этого стала мелко вибрировать, и другу пришлось тут же прервать свой полет.

Во второй раз, тоже во время учений, от пылкого взгляда этого летчика у машины заклинило шасси.

А в третий раз, после сильной вибрации, отвалился хвост. И тогда наконец друг летчика обо всем догадался и сказал: «Неужели ты все еще любишь эту развалину?» Но летчик в ответ лишь зарделся и быстрым шагом ушел с летного поля.

И тогда на четвертый раз этот друг уже не позвал этого летчика смотреть на учения. Но летчик все равно вышел на балкон своего дома и обожал чужой самолет, глядя на него сквозь военный бинокль. И от этого сильного приближения потемневших от страсти глаз у машины воспламенились сразу два бензобака. И друг не успел катапультироваться, и взорвался в небе вместе со своим самолетом.

А жена этого летчика тайком встречалась с этим его погибшим другом. Но об этом никто не догадывался, потому что она ненавидела этого его раздолбанный самолет и никогда на него не смотрела: ни на земле, ни тем более когда он кружился в небе.

Из этой истории мужчины вправе сделать вывод: женщине ближе телесное, а мужчине — железное и небесное.

Женщины из этой истории могут с полным основанием заключить: гибельна только неутоленная страсть.

Остальным же читателям этой книги осмелюсь заметить: не желай ни самолета, ни жены ближнего своего.

Мечта и мечта

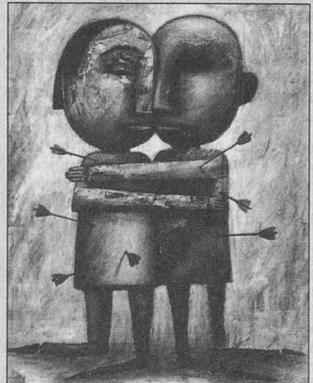
ОДИН СВАРЩИК мечтал сварить такую конструкцию, чтобы добраться по ней до самого неба.

А одна женщина мечтала сварить такой борщ, чтобы этот сварщик остался рядом с ней до самой смерти.

И из года в год они варили каждый свое, но достичь своей цели у них не получалось.

И вот когда во всей округе не осталось ни кусочка железного лома, ни даже подковы, ни даже болта, сварщик решил уйти из этого города.

А эта женщина нашла в одной древней книге рецепт приворотного зелья, и собралла по углам немногочисленного помета, и в огороде отыскала кожу змеи, и вынула из стены

Джорджин Айсип. Влюбленные

детей, и четверо из них погибли во время войны. И она была рада, что хоть один ребенок у нее остался.

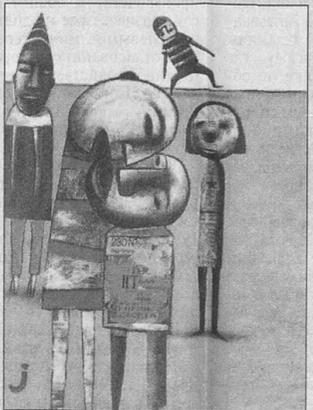
А седьмая женщина всю жизнь была мужичной, а потом собрала денег и сделала себе операцию и была рада тому, что мечта ее жизни сбылась.

Этих семи случаев достаточно, чтобы сделать вывод: женщина рождена не для счастья, а для одной только радости.

У одного мужчины было семеро сыновей, и он горевал, что у него нет ни одной дочки.

А у другого мужчины не было детей совсем. И он горевал, что после него не останется его семени.

А у третьего мужчины было одиннадцать

Джорджин Айсип. Ночной клуб

Джорджин Айсип. Цвет жизни

Цель и средства

ОДИН джентльмен, намереваясь указать второму джентльмену его истинное место, пригласил на танцах его жену и так красиво за ней ухаживал, что она ушла из клуба вместе с первым джентльменом и домой вернулась только под утро.

И тогда второй джентльмен рассказал обо всем случившемся жене первого джентльмена, чтобы, наоборот, всем продемонстрировать свое собственное моральное превосходство.

А третий джентльмен при виде четвертого джентльмена всегда плевал только в урну, чтобы показать тому свои особенные манеры.

И тогда четвертый джентльмен при виде третьего джентльмена стал сплевывать лужу

от семечек в нагрудный карман своего пиджака, надеясь раз и навсегда закрыть вопрос о превосходстве.

А пятый джентльмен, наехав однажды ночью на шестого джентльмена, высунул из своего трактора и любезно спросил, куда его подвести. А шестой джентльмен ответил, что отвезти его нужно до ближайшего морга. И тогда пятый джентльмен, желая проявить себя с самой лучшей стороны, предложил довести его туда всего за полчаса.

Вывод из этих историй лучше всего сделать такой: моральное превосходство есть цель, достижению которой всегда препятствуют средства.

В более полном варианте книги «О природе вещей» будет опубликована в одном из осенних номеров журнала «Знания».